

XXXVII.

№ 5

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXXVII

1906

Выходит еженедельно (52 № в годъ), съ приложеніемъ 40 книгъ „Сборника“, содрж. соч. М. Е. Салтыкова-Щедрина и К. М. Станюковича 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.
Выдастъ 4-го февраля 1906 г. Подписная цѣна съ достав. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р. Цѣна этого №—20 к., съ перес. 25 к.

Къ этому № прилагаются: 1) „Ежемѣс. литерат. и популярно-научныя приложенія“ за февраль 1906 г., 2) „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за ФЕВРАЛЬ 1906 г. съ 31 рис. и отдѣльн. листъ съ 33 черт. выкр. въ натур. велич. и 11 рис. для выжиганія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „НИВУ“ 1906 г. Съ приложеніемъ 40 книгъ „СБОРНИКА НИВЫ“, содержащихъ:

Остальные 30 книгъ полн. собр. сочиненій

М. Е. Салтыкова-Щедрина

К. М. Станюковича.

Безъ достав-
ки въ Петер-
бургъ . . .

6.50

Безъ доставки въ
МОСКВѢ въ конторѣ
Н. И. ПЕЧКОВСКОЙ,
Петровскія линіи . .

7 р. 25 н.

Безъ доставки въ
ОДЕССѢ въ кн. маг.
„ОБРАЗОВАНИЕ“,
Ришельевская, 12.

7 р. 50 н.

Съ достав-
кою въ Пе-
тербургъ . .

7.50

Съ пересылкою
во всѣ мѣстности
Россіи . . .

8 р.

За
границу. 12 р.

Урокъ.

Повѣсть

Б. Лазаревского.

(Продолженіе).

XII.

Однажды вечеромъ Константинъ Ивановичъ простоялъ на подоконникѣ дольше обыкновеннаго и сильно про-

мерзъ. Въ эту ночь въ головѣ плыли тяжелые сны. Онъ совсѣмъ ясно увидѣлъ мать съ желтымъ грустнымъ лицомъ; она позвала его: „Костя!“ Константинъ Ивано-

Масляничное катанье. Картина Вѣрушъ-Ковальскаго, авт. «Нивы».

вичь хотѣлъ подойти, но сзади его остановила чья-то рука, онъ оглянулся и увидѣлъ, что никого нѣтъ, и вдругъ стало такъ страшно, какъ въ дѣйствительной жизни никогда не бывало. Дышать было трудно, точно на лицо наложили подушку. Онъ помоталъ головою, перевернулся на спину и сейчасъ же увидѣлъ Дину съ обнаженной грудью и, невольно рванувшись къ ней, проснулся.

Ужасъ и волненіе улеглись не скоро.

„Какъ я палъ, обратился въ скота,—подумалъ онъ.— Если человѣкъ не желаетъ чего-нибудь на яву, то не увидитъ того и во снѣ. Представленіе о чемъ-нибудь возможно тогда, если знаешь хорошо само явленіе... Впрочемъ, все это чепуха, настоящая чепуха... Чѣмъ это я себя такъ испортилъ желудокъ? Во рту вкусъ такой, будто я жевалъ резину...“

До утра онъ спалъ уже спокойно. Но днемъ тоже было тоскливо, не хотѣлось ни ѣсть, ни заниматься, ни гулять. Послѣ десяти часовъ вечера охватила необычная дремота и тряслись руки. Константинъ Ивановичъ, какъ легъ, такъ и заснулъ. Въ три часа ночи онъ вскочилъ отъ невѣроятной, одуряющей боли въ боку. Послѣ каждаго вздоха, въ невидимую рану будто кололи шиломъ. Совсѣмъ нельзя было удержаться отъ громкихъ стоновъ. Кричало само горло.

Шаркая туфлями, въ одномъ бѣльѣ, со свѣчей въ рукахъ пришелъ отецъ и спросилъ:

— Что съ тобой?

— Болитъ, страшно болитъ... въ боку...—простоналъ Константинъ Ивановичъ и снова крикнуть.

Утромъ послали за докторомъ. Онъ измѣрилъ температуру, выслушалъ, посмотрѣлъ на розовую пѣнистую мокроту и сказалъ отцу, что это крупозное воспаленіе легкихъ.

Во все время сознаніе окончательно уходило только два раза. Дней пять было полузабытіе и выражалось оно очень своеобразно. Стоило, напримѣръ, взглянуть на цвѣты, нарисованные на обояхъ комнаты, и по желанію любой цвѣтокъ обращался въ лицо того человѣка, который былъ въ мысляхъ. Только весь рисунокъ казался окрашеннымъ въ ярко-алый цвѣтъ. Чаше всего грезились лично Дины.

— Идите ближе, Дина, сядьте здѣсь, неужели вы стѣсняетесь?

За Дину отвѣчала сидѣвшая уже четвертую ночь возлѣ постели сестра милосердія.

— Ничего, ничего. Лежите смирно, она сейчасъ придетъ.

И Константинъ Ивановичъ какъ будто успокаивался и начиналъ ждать, а потомъ засыпалъ.

Однажды сознаніе проявилось окончательно; трудно было только понять, почему такъ сократилось время, и двѣ недѣли пробѣжали, какъ два часа.

Приходилъ Кальнишевскій,—сказалъ, что ему осталось всего два экзамена и что, кажется, будетъ дипломъ первой степени, потомъ упоминалъ фамилію Орѣховыхъ, но какъ-то замаялся и сталъ собираться домой.

— Вотъ что,—сказалъ Константинъ Ивановичъ:—пожалуйста, опусти имъ открытку о моей болѣзни и сообщи, что я, можетъ, задержусь пріѣздомъ.

— Непремѣнно, неpremѣнно.

Константинъ Ивановичъ до самаго вечера думалъ о томъ, какое впечатлѣніе на Дину произведетъ извѣстіе о его болѣзни.

На слѣдующій день температура вдругъ опять поднялась до сорока и во рту снова былъ вкусъ жеваной резины. Глаза совсѣмъ померкли. Отецъ часто входилъ въ комнату. Собравъ кое-какъ мысли, Константинъ Ивановичъ вдругъ произнесъ:

— Папа, папочка, вы дадите мнѣ всѣ письма?

— Какія письма, Танины?

— Н-ѣ-ѣ-т-ѣ, которые будутъ получаться изъ Знаменскаго.

— Ну, ну, успокойся, дасть Богъ, все хорошо будетъ.

— Папа, да я не брежу, я прошу, дайте мнѣ письма, вѣдь поймите вы, что это звѣрство. Звѣрство! — шепотомъ повторилъ онъ и заплакалъ.

— Такъ я же дамъ тебѣ ихъ, пойми, успокойся, я не отказываю,—отвѣчалъ голосъ отца.

— Да, да, конечно.

Вечеромъ Константинъ Ивановичъ опять пришелъ въ себя и понялъ, что неpremѣнно умереть, и мысль о смерти не была такъ страшна, какъ сознаніе, что онъ никогда уже не увидитъ Дины.

Позже приходили два доктора. Потомъ онъ видѣлъ священника и на его вопросы не отвѣчалъ, а только утвердительно опускалъ вѣки, будто щурился отъ яркаго свѣта. Кто-то положилъ на лобъ ему руку, и Константинъ Ивановичъ чувствовалъ на ней холодное кольцо. Затѣмъ приходилъ еще докторъ и скоро вмѣстѣ съ отцомъ вышелъ изъ комнаты. Было слышно, какъ уже за дверью онъ говорилъ трусливымъ теноркомъ:

— Конечно, предсказаніе это нѣчто, неопредѣленное, но если это кризисъ, въ чемъ нѣтъ сомнѣнія, то положеніе больного очень серьезно и слѣдуетъ приготовить ко всему.

— А мнѣ такъ хотѣлось видѣть его уже на службѣ, въ формѣ, съ будущностью, съ жалованьемъ. На хорош... на хорошей службѣ,—отвѣтилъ со слезами въ голосъ отецъ.

— Вы не волнуйтесь. Все можетъ окончиться благополучно, я вѣдь ничего страшнаго не говорю, а говорю только, что сегодня кризисъ...

„Приговорили“,—подумалъ Константинъ Ивановичъ. Стало страшно. Захотѣлось громко крикнуть, и не было силъ. Потомъ вдругъ сдавило горло, и слезы, горячія, липкія, сами собой пошли изъ глазъ.

Иногда его сильно встряхивало, а потомъ на душѣ стало покойнѣе и онъ незамѣтно уснулъ. Когда онъ открылъ глаза, уже свѣтало, парусиновая шторка на окнѣ потемнѣла, а по ея краямъ выдѣлились клиньями двѣ голубыя щели. Возлѣ кровати, низко опустивъ голову, сидя на стулѣ, сестра милосердія.

Константинъ Ивановичъ чуть приподнялся и вздохнулъ. Стало почему-то весело и вдругъ пришла мысль, что болѣзнь смертью не окончится,—навѣрное, навѣрное. Сестра милосердія опускала голову все ниже, покачнулась впередъ и, выпрямившись, заморгала глазами.

— Нельзя ли чайку?—шопотомъ попросилъ Константинъ Ивановичъ и улыбнулся.

— Можно, можно,—радостно отвѣтила сестра.

Выпивъ нѣсколько ложечекъ слабаго, чуть теплаго чая, онъ опять откинулся на подушку.

Первая недѣля выздоровленія была огромнымъ блаженствомъ. Отецъ говорилъ ласково и даже шутилъ, чего въ обыденной жизни не случалось. Даже и черезъ окно чувствовалось, какъ солнце грѣло, уже по-настоящему,—по-весеннему. Тополь, который,—казалось, такъ еще недавно,—въ гололедицу стучалъ своими вѣтвями, теперь одѣлся молоденькими свѣжими листьями.

Опять нѣсколько разъ приснилась Дина, милая, сочувствующая болѣзни. А въ субботу получилось отъ Ольги Павловны письмо: „Желаемъ нашему больному скораго выздоровленія. Не спѣшите вставать, нужно оправиться Вамъ какъ слѣдуетъ. Будемъ ждать васъ въ Знаменскомъ, пріѣзжайте попить молочка. По просьбѣ мужа, пока къ намъ пріѣхалъ и занимается съ дѣвочками Зиновій Григорьевичъ, онъ о васъ часто вспоминаетъ. Всего, всего хорошаго. О. О.“

Вмѣсто радости, письмо это нагнало тоску. Не хотѣлось самому себя признаваться, что въ эти минуты онъ почти ненавидитъ Кальнишевскаго, въ сущности ни въ чемъ неповиннаго. Онъ тамъ возлѣ Дины, а я здѣсь въ провонявшей лѣкарствами комнатѣ... — мелькнуло въ головѣ.

— Уйдите, папаша, мнѣ что-то дремать хочется, — сказалъ онъ.

— Отъ кого письмо?

— Такъ. Дѣловое. Уйдите, папаша.

Отецъ ушелъ, но Константинъ Ивановичъ заснуть не могъ. Тоска росла и росла. Все раздражало. Послѣ обѣда, когда онъ дѣйствительно сталъ дремать, подъ самымъ окномъ зазвенѣлъ голосъ точильщика.

— Н-э-жи, ножницы т-эчить.

Голосъ на нѣсколько секундъ смолкъ и потомъ еще рѣзче отчеканилъ:

— Бритвы править...

„Вѣроятно въ этотъ промежутокъ онъ папиросу закурилъ“, — подумалъ Константинъ Ивановичъ. Точильщикъ снова заблеялъ козломъ. Захотѣлось вскочить съ постели, открыть форточку и пустить въ него чернильницей или толстымъ ботаническимъ атласомъ. Съ каждымъ днемъ нехорошее чувство зависти къ Кальнишевскому росло. „Я самъ виноватъ, — думалъ иногда Константинъ Ивановичъ. — Я попросилъ его написать Орфховымъ о болѣзни. Тамъ, вѣроятно, рѣшили, что мнѣ пришелъ уже конецъ, и вызвали Кальнишевскаго. На его мѣстѣ я бы зашелъ сказать о своемъ отъѣздѣ, — это съ его стороны непорядочно. Какъ бы тамъ ни было, но и я туда поѣду, во что бы то ни стало поѣду!“

На другой день отецъ сказалъ, что Кальнишевскій дѣйствительно приходилъ, но какъ разъ во время кризиса, а потому его не пустили въ комнату. Константинъ Ивановичъ только глухо произнесъ:

— Если бы вы знали, что вы этимъ надѣлали...

— Но вѣдь ты же былъ безъ сознания.

Отецъ сердито дернулъ рукой и вышелъ. Выздоровленіе шло медленно. По утрамъ была еще большая слабость, а къ вечеру лихорадило. Грустно было сознавать, что пропалъ учебный годъ. Константинъ Ивановичъ вышелъ въ первый разъ на воздухъ въ началѣ іюня. Дышалось вкусно до одурѣнія. Злила только слабость, — пройдя кварталъ, другой, нужно было отдыхать или брать извозчика.

Деревья и цвѣты казались сказочно красивыми, а все люди и особенно отецъ, холодными и мелочными. Досадно было, что докторъ запретилъ гулять послѣ захода солнца и сказалъ, что ѣхать можно только чрезъ двѣ недѣли. Эти двѣ недѣли тянулись дольше, чѣмъ вся болѣзнь. На всякій случай Константинъ Ивановичъ подаль декану факультета прошеніе о томъ, чтобы ему разрѣшили держать экзаменъ осенью, и просилъ одного изъ товарищей по курсу написать ему о результатѣ просьбы.

Отецъ опять сталъ молчаливымъ и только разъ сказалъ:

— Ты бы къ Аристарховымъ зашелъ, они такъ безпокоились о тебѣ.

— Можетъ-быть, — отвѣтилъ Константинъ Ивановичъ и подумалъ: „Ну, ужъ этого вы отъ меня не дожидаетесь“. Двадцать перваго іюня онъ послалъ Орфховымъ телеграмму: „Буду завтра. Смирновъ“, а вечеромъ ѣхалъ на вокзалъ и отъ волненія у него кружилась голова.

XIII.

Въ вагонѣ было четыре свободныхъ мѣста, но Константинъ Ивановичъ долго не могъ уснуть. Онъ лежалъ, потомъ опять вставалъ и выходилъ на площадку, и его всего охватывали свѣжая, безлунная ночь и грохотъ длиннаго почтового поѣзда. Мелькали искры, но больше ничего не было видно. Иногда казалось, что вагоны бѣгутъ не впередъ, а назадъ.

Заснуть удалось только послѣ полуночи, а въ четыре Константинъ Ивановичъ уже вскочилъ, будто его кто-нибудь толкнулъ. Крайнее окно было открыто. Онъ подошелъ къ нему и стоялъ не двигаясь до самой станціи „Лихарево“, гдѣ нужно было выходить.

Упрямый, холодный вѣтеръ точно умывалъ лицо. Константинъ Ивановичъ никогда не видалъ такого широкаго

горизонта и, какъ наступаетъ разсвѣтъ сразу, со всехъ концовъ. Слѣва, на закатѣ, еще свѣтила Венера, а справа желтые тоны уже начали сливаться съ красными. Весь огромный фіолетовый куполъ неба раздѣлился на безконечное множество тучекъ съ золотыми краями. Хотѣлось услѣдить, поймать тѣ моменты, когда тучки свѣтлѣли и отходили одна отъ другой, обращаясь въ облака, и трудно это было.

Двѣ минуты — не больше — поглядишь влѣво, обернувшись, а справа уже все перемѣстилось, и, гдѣ была кровавая полоса, ниже ея блеститъ и будто колеблется волнообразная линія изъ расплавленного золота.

И все теплѣе и теплѣе становилось. Солнце вышло изъ-за горизонта, а почти все пассажиры въ вагонѣ еще спали. Было душно, и запотѣли окна; Константину Ивановичу было непонятно, какъ можно спать, когда вокругъ такая удивительная красота. Особенно хороши были далекіе лѣса, въ долинахъ совсѣмъ голубые. На послѣднемъ развѣздѣ немного постояли. Константинъ Ивановичъ наскоро умылся, собралъ вещи и оправился. Въ девять часовъ и двадцать четыре минуты поѣздъ подошелъ къ платформѣ „Лихарево“. Станція была маленькая, съ сѣрыми, обмытыми дождемъ стѣнами. Внутри, передъ буфетной стойкой топтались три крестьянина въ зипунахъ и лаптяхъ. Вспомнились „Плоды Просвѣщенія“.

Увидѣвъ Константина Ивановича, буфетчикъ пихнулъ въ грудь перваго мужика и взялся за графинъ съ водкой.

Константинъ Ивановичъ только спросилъ, не высылали ли лошадей изъ Знаменскаго. Буфетчикъ подумалъ и отвѣтилъ.

— Нѣтъ. День пять, али четыре назадъ, самъ знаменскій баринъ проѣхалъ, а съ тѣхъ поръ лошадокъ ихнихъ не было.

Мужики сдѣлали серьезные лица и заморгали глазами.

— Ну, а какого-нибудь извозчика здѣсь нельзя достать?

Оказалось, что можно. Черезъ минуту явился и самъ извозчикъ, угреватый парень съ хитрымъ взглядомъ; одѣтъ онъ былъ въ грязный пиджакъ и въ правой рукѣ держалъ кнутъ, а въ лѣвой картузь.

— Вашей чести въ Знаменское требуется?

— Въ Знаменское.

— Положите три рублика, хорошо доставлю.

Въ это время пришелъ съ перрона сторожъ, съ метлою въ рукѣ, и, узнавъ въ чемъ дѣло, сказалъ, что лошади Орфховыхъ будутъ къ почтовому поѣзду, — привезутъ слѣдователя, и это ему доподлинно извѣстно отъ самого кучера Кузьмы. Потомъ извозчикъ, буфетчикъ, сторожъ и мужики о чемъ-то горячо заспорили. Константинъ Ивановичъ сѣлъ за столикъ у окна и спросилъ чаю.

— Такъ не поѣдете со мною? — спросилъ извозчикъ, уже съ картузомъ на головѣ.

— Да что-жъ ѣхать, если лошади будутъ.

— Какъ желаете...

Парень вышелъ. Буфетчикъ принесъ на подносѣ стаканъ мутнаго чая и плюшку. Молока не оказалось.

— Никто не требуетъ, — извинился буфетчикъ. — У насъ станція махонькая, больше насчетъ того, чтобы выпить и закусить, своей коровы не держимъ, въ прошломъ годѣ была, да отъ болѣсти пала...

Крестьяне сначала подозрительно слѣдили за всякимъ движеніемъ Константина Ивановича, потомъ снова заговорили о своихъ дѣлахъ, а когда буфетчикъ закрылъ шкафъ и снялъ все бывшее на стойкѣ, — ушли.

Въ окно былъ виденъ станціонный дворъ, по срединѣ кругъ, а въ немъ чахлая березка и подобіе цвѣтника. На крыльцѣ сидѣлъ парень-извозчикъ и, поминутно сплевывая, курилъ сдѣланную изъ газетной бумаги носогрѣйку. Возлѣ сѣраго забора стояла телѣга, укрытая выпѣвшимъ ковромъ, изъ-подъ котораго торчала солома.

Пристяжная опустила голову и не двигалась, точно спала. Коренникъ, менѣе забитый, какъ будто скучалъ

Испанская танцовщица. Картина Конрада Кизеля, гравюра Вебера.

Гадальщица. Картина Д. Энхолраса, авт. «Нивы».

и по временамъ пытался грызть верхнюю доску забора. Запрѣвъ сильно бубенчиками, онъ тряхнулъ головой, отмахнулся хвостомъ отъ надѣдливаго овода и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ. Пристяжная осталась на мѣстѣ, потомъ затопталась и перешагнула задней ногой посторонку. Парень вдругъ вскочилъ, подбѣжалъ и изо всей силы началъ ее бить кнутовищемъ по мордѣ и по глазамъ. Бубенчики тревожно и тоскливо загрохотали. Сорвавъ злобу, онъ отвелъ лошадей отъ забора, сѣлъ на облучокъ и вскачь выѣхалъ со двора.

Константинъ Ивановичъ допилъ чай и вышелъ на платформу. Здѣсь онъ долго ходилъ взадъ и впередъ и думалъ о томъ, какъ можетъ даже самый грубый и неразвитой человѣкъ такъ издѣваться надъ беззащитнымъ, ничего кромѣ добра не сдѣлавшимъ ему, животнымъ. Когда человѣкъ мучитъ человѣка, это понятно, — они взаимно другъ другу дѣлаютъ много зла, но оказывается, что человѣкъ можетъ еще угнетать и существо, не дѣлающее ему зла. Вспомнилъ одинъ приватъ-доцентъ, большой любитель спорта, который былъ способенъ засѣчь лошадь, если та, на бѣгахъ, начинала отставать. Потомъ думалось о всѣхъ Орѣховыхъ и Динѣ. — Обрадуются или не обрадуются? — Стало жутко отъ мысли, что въ Знаменскомъ онъ, можетъ-быть, почувствуетъ себя грустно.

Время до полудня прошло незамѣтно. Буфетчикъ опять отворилъ шкапъ и началъ выкладывать на стойку закуски, а потомъ, нагибаясь, доставать бутылки. Во дворѣ глухо прогудѣлъ рессорный экипажъ. У крыльца остановилась коляска, запряженная четверикомъ вороныхъ, изъ нея вышелъ чиновникъ въ формѣ министерства юстиціи.

— Вотъ и Кузьма знаменскій пріѣхалъ, слѣдователя привезъ, — сказалъ буфетчикъ.

У Константина Ивановича забилося сердце. Казалось, что куда-то онъ долженъ былъ прыгнуть, или сдѣлать что-то рискованное, — и вотъ наступилъ моментъ, когда поворота назадъ быть не можетъ. Онъ рѣшилъ прежде всего поговорить со слѣдователемъ, — подошелъ, представился и спросилъ объ Орѣховыхъ.

Слѣдователь — утомленный человѣкъ, съ желтымъ цвѣтомъ лица, отвѣчалъ односложно, а потомъ извинился и пошелъ въ кассу брать билетъ. Кучеръ Кузьма оказался болѣе разговорчивымъ, но прежде всего заявилъ, что лошадямъ нужно отдохнуть и поэтому онъ поѣдетъ на постоянный дворъ, къ Соловьевымъ, а къ пяти часамъ вернется на станцію.

— Какъ-никакъ, тридцать пять верстъ считанныхъ, а колясочка-то чижолоя. Холодкомъ и лошадки веселѣе стануть бѣжать, — аккуратно къ ужину поспѣемъ, — добавилъ онъ.

— Ну, а гдѣ же мнѣ пообѣдать? — спросилъ Константинъ Ивановичъ.

— Это ужъ вы на станціи съ буфетчикомъ поговорите, это ужъ онъ вамъ предоставитъ, — самъ ѣсть хорошо. Оно можно бы и у Соловьевыхъ, только грязно тамъ и нечистота однимъ словомъ.

Кузьма говорилъ все время улыбаясь, и конецъ каждой фразы выходилъ у него привѣтливо, нараспѣвъ. Константину Ивановичу понравилось также, что онъ сказалъ не „лошади“, а „лошадки“ и „колясочка“.

Земля вдругъ затряслась. Къ станціи подлетѣлъ курьерскій поѣздъ, постоялъ три минуты и увезъ желтоголикаго слѣдователя. На обѣдъ буфетчикъ далъ Константину Ивановичу жирныхъ щей со сметаной и цѣлую курицу, и потребовалъ за это только шестьдесятъ копеекъ. Захотѣлось подремать, но лечь было негдѣ. На платформѣ стояла жара, и было такъ скучно, какъ только бываетъ на очень маленькихъ станціяхъ. Впереди, сейчасъ за рельсами, рябило и волновалось море колосѣвъ, справа темнѣлъ лѣсъ, а еще правѣе, изъ-за деревьевъ выглядывала каменная труба какого-то завода.

Кузьма сильно опоздалъ и пріѣхалъ почти въ семь часовъ вечера, когда уже свечерѣло. Лицо у него было заспанное, измятое и потомъ онъ еще долго возился, прилаживая къ задку корзину.

Константинъ Ивановичъ началъ раздражаться, но когда, наконецъ, Кузьма сѣлъ на козлы, на душѣ стало до слезъ счастливо. Ни разу въ жизни еще ему не приходилось ѣхать среди такой природы, съ такимъ удобствомъ и на такихъ хорошихъ лошадяхъ. Чуть кружилась голова и скользила змѣйкой все одна мысль: „какъ хорошо жить, какъ хорошо жить...“ Хотѣлось, даже пѣть эту фразу.

Коляска мягко бѣжала по грунтовой дорогѣ. Легко дышалось. Копыта лошадей часто хлюпали по мелкимъ лужицамъ, которыя Кузьма старался объѣзжать, и тогда колеса шуршали, задѣвая по стеблямъ ржи. Горѣлъ краснымъ золотомъ крестъ на далекой церкви, а приближавшійся лѣсъ покрылся свѣтло-фіолетовой дымкой. Солнце заходило такъ же красиво, какъ и вставало сегодня утромъ.

Дорога стала шире. По краямъ ея, все чаще и чаще, пробѣгали бѣлые стволы березъ. На небѣ уже горѣла одна звѣздочка. Рѣзко выяснился тоненькій полумѣсяцъ. Скоро поѣхали лѣсомъ и стало совсѣмъ темно. Воздухъ былъ мягче. Пахло землею. Молчавшій все время Кузьма вдругъ заговорилъ:

— Нонче погода слава Богу, а на прошлой недѣлѣ дожди и дожди...

— Что же у васъ тамъ, въ Знаменскомъ, дѣлается? — спросилъ Константинъ Ивановичъ, не разслышавъ его фразы.

— Ничего, все обнаковенно.

— А господинъ Кальнишевскій какъ поживаетъ?

— Тоже ничего. Чудаковаты это они немного, а такъ баринъ хорошій.

— Какъ чудаковаты?

— По-простецки очень себя держать, и даже будто отъ прочихъ господъ подальше. Зайдутъ это въ конюшню, ну, я, извѣстно, шляпу сниму, а они сейчасъ: надѣвай, надѣвай. „Я, грить, хохоль, а въ нашей сторонѣ страсть не любятъ, если кто себя унижаетъ“. Да-съ... Въ среду на прошлой недѣлѣ несчастье это у насъ на деревнѣ вышло. Мужики конокрада захватили, ну, и малость помяли, а онъ и кончился. Нашъ слѣдователь въ отпуску, — другой пріѣзжалъ. Зиновій Григорьевичъ ходили съ нимъ смотрѣть. Очень убивались. Сказывали, что у этого самаго вора глаза на лобъ даже выпѣзли, отъ муки, значить. А по нашему разумѣнію жалѣть бы его нечего, — собакъ и собачья смерть.

Помолчали.

— Что, Кузьма, вамъ дорогу видно? — спросилъ Константинъ Ивановичъ.

— Малость видно. Это четверикъ ѣзжалый, съ нимъ куда угодно. И лѣсомъ не ошибутся. Вотъ зимой, да въ полѣ, худо бываетъ, если лошадь глупа. Другая норовитъ домой, въ стойло, да съ дороги и своротитъ. У насъ „Арабчикъ“ есть, — бѣда!..

— А что?

— Египетская лошадь.

— Какъ египетская?

— Все желаетъ тебѣ напротивъ сдѣлать...

Въ разговорахъ и переживаніи совсѣмъ новыхъ ощущений время шло быстро. Константинъ Ивановичъ думалъ о томъ, какъ его встрѣтитъ Дина, обрадуется или не обрадуется? О томъ, что въ народныхъ сказкахъ самыя поэтическія мѣста почти всегда связаны съ лѣсомъ и это имѣетъ глубокое основаніе. И представлялся ему связанный конокрада съ искаженнымъ, страшнымъ лицомъ.

XIV.

— Снова поѣхали лѣсомъ. Впереди чернѣли деревья. Минутъ черезъ десять, по кожанымъ крыльямъ зашуршали листья и коляска влетѣла въ узкую аллею.

Изъ темноты вдругъ выступилъ длинный одноэтажный домъ, съ ярко освѣщенными окнами. Нѣсколько собакъ громко и радостно залаяли. Кузьма остановилъ тяжело дышавшихъ лошадей возлѣ крыльца. Кто-то вышелъ изъ темныхъ дверей и спросилъ:

— Почту привезли?

— Есть два письма и повѣстка, — отвѣтилъ Кузьма.

Собаки продолжали лаять. Потомъ засвѣтился огонь и показалась Ольга Павловна, а за ней и Дина, въ розовой ситцевой кофточкѣ.

Константинъ Ивановичъ выпрыгнулъ изъ коляски и, сильно волнуясь, поздоровался.

— Ну, вотъ, дождался васъ наконецъ... — сказала Ольга Павловна, улыбнулась и нагнула голову. — Снимайте пальто и пойдемте пить чай. А можетъ-быть, хотите умыться?..

Прошли черезъ огромный залъ съ плохо выкрашенными, подъ паркетъ, полами, затѣмъ маленькую гостиную и, черезъ стеклянную дверь, на балконъ. За длиннымъ столомъ сидѣли Леночка, Кальнишевскій, Любовь Петровна и очень худая старушка, — вся въ черномъ. Стѣва, за ломбернымъ столомъ, играли въ карты Степанъ Васильевичъ, священникъ, господинъ въ полицейской формѣ съ рыжей бородой и молодой человѣкъ въ русской поддевкѣ, въ фуражкѣ съ краснымъ околышемъ, и очень длинными красивыми усами. Всѣ загремѣли стульями.

— Рекомендую, — сказалъ Орѣховъ: — еще педагогъ.

Константину Ивановичу это привѣтствіе не понравилось, но сердиться было некогда. Онъ поздоровался, радостно отвѣтилъ на рукопожатіе Кальнишевскаго и сѣлъ возлѣ него, какъ разъ противъ Дины. Она замѣтно загорѣла и пополнила, глаза ея какъ будто сильнѣе блестѣли, и вѣяло отъ всей ея фигурки здоровьемъ. И здѣсь, какъ и въ городѣ, больше всѣхъ говорила Леночка.

— Мы завтра поведемъ васъ и на прудъ, и по всему парку, и на мельницу, и на конюшню, правда, Дина?

— Да-а.

„Дина глубже по натурѣ, она больше чувствуетъ, поэтому и больше молчитъ. Милая, золотая, хорошая“... — думалъ Константинъ Ивановичъ.

Кальнишевскій чему-то улыбнулся, словно угадалъ его мысли. Играющіе въ винтъ продолжали свое дѣло. Молодой человѣкъ въ фуражкѣ съ краснымъ околышемъ внимательно глядѣлъ въ свои карты, иногда онъ опускалъ голову ниже и задумчиво свисталъ.

— Кто это? — спросилъ тихо Константинъ Ивановичъ, Кальнишевскаго.

— Брусенцовъ.

Дина услышала вопросъ и посмотрѣла по направленію къ столу, за которымъ играли въ карты, а потомъ лѣвое ухо у нея стало краснымъ. Послѣ чая сейчасъ же начали подавать ужинъ, длинный и обильный бутылками. Всѣ громко говорили. Смѣялась Любовь Петровна. Спрашивали о чемъ-то и Константинъ Ивановича и онъ отвѣчалъ невпопадъ. Кальнишевскій шутилъ и подливалъ ему то наливки, то вина. Встали изъ-за стола въ полночь. Степанъ Васильевичъ и его партнеры опять принялись за карты. Кальнишевскій повелъ Константина Ивановича черезъ темный дворъ во флигель. Вверху горѣли звѣзды. Двѣ собаки подбѣжали и ласково запрыгали возлѣ Кальнишевскаго. Онъ вынималъ изъ кармана черный хлѣбъ и бросалъ имъ.

— Усталъ ты, вѣроятно, и отъ дороги и отъ впечатлѣній, теперь умойся, ложись и высыпайся, а завтра уже будешь наслаждаться природой. Слышишь, какъ соловей въ паркѣ щелкаетъ? — сказалъ Кальнишевскій, отпирая ключомъ дверь флигеля.

— Ничего не слышу, — отвѣтилъ Константинъ Ивановичъ. Въ ушахъ и въ головѣ у него гудѣло.

— Ну вотъ, теперь тѣхкаетъ. Здѣсь они поздно поютъ,

а у насъ на Украинѣ уже въ маѣ кончаютъ. Въ этихъ мѣстахъ и въ іюнѣ холодно бываетъ.

Во флигелѣ, пока раздѣвались, — еще поговорили. Константинъ Ивановичъ разспрашивалъ о всѣхъ новыхъ людяхъ, которыхъ видѣлъ въ этотъ вечеръ.

— Что это за старушка такая была, въ черномъ?

— А это, братъ, наша блюстительница нравовъ, знаменитая тетя Лиза и Христова невѣста. Если ты, напримеръ, вздумаешь завести здѣсь какой-нибудь романъ, такъ ужъ ей будетъ раньше всѣхъ извѣстно. Причемъ къ инымъ идилліямъ она относится благосклонно, инныя же немедленно расторгаетъ; еѣ даже Степанъ Васильевичъ боится. Она носитъ вериги, мясного не употребляетъ и съ самимъ преосвященнымъ въ перепискѣ состоитъ.

— Развѣ теперь такія бываютъ? — усомнился Константинъ Ивановичъ.

— Бываютъ. Здѣсь, братъ, вся жизнь лѣтъ на сорокъ назадъ идетъ, — сказалъ Кальнишевскій и заболталъ ногою, снимая сапогъ.

— А полицейскій кто это?

— Это помощникъ исправника. Ничего себѣ человѣкъ. Бываетъ исключительно тамъ, гдѣ хорошо кормятъ, зланому не дѣлаетъ... Жену свою часто ревнуетъ, хотя она харя удивительная.

— Ну, а кто такой Брусенцовъ?

Брусенцовъ, это, братъ, типъ уже позднѣйшей формации. Дворянинъ - коммерсантъ и дѣльный хозяинъ. Съ университетскимъ образованіемъ, но городской жизни терпѣть не можетъ. Служить тоже не хочетъ, хотя, кажется, собирается примоститься къ министерству внутреннихъ дѣлъ. Возможно, что скоро будетъ предводителемъ дворянства. Недавно у него въ имѣніи дѣльный скандалъ вышелъ, чуть настоящаго бунта не было... Понимаешь ли, Брусенцовъ, какъ образцовый хозяинъ, занимается метеорологическими наблюденіями, ну и повѣсилъ у себя гидрометръ, чтобы точнѣе слѣдить за атмосферическими осадками. А тутъ дождь и дождь. Какой-то дуракъ взялъ да и пустилъ среди крестьянъ слухъ, будто гидрометръ — это котелъ такой, который съ неба воду притягиваетъ. Является къ Брусенцову въ усадьбу дѣлая депутація.

— Ваше высокоблагородіе, снимите котелъ...

— Что онъ вамъ мѣшаетъ?

— Такъ и такъ, воду съ неба притягиваетъ.

Брусенцовъ попробовалъ — было объяснить, а потомъ погналъ ихъ всѣхъ къ чорту. На другой день опять депутація.

— Ваше высокоблагородіе, снимите, а то быть бѣдѣ.

— Не сниму, — говорить.

— Такъ и не снятъ. Вѣроятно, и на самомъ дѣлѣ случилась бы бѣда, да кто-то догадался ночью этой злощастный гидрометръ украсть. Брусенцовъ новаго еще не успѣлъ купить. И все разошлось. Но самое замѣчательное во всей этой исторіи двадцатаго столѣтія то, что сейчасъ же послѣ кражи гидрометра дождь на самомъ дѣлѣ пересталъ... Вотъ, братъ, какія здѣсь дѣла бываютъ... Въ семьѣ Орѣховыхъ Брусенцовъ свой человѣкъ. Дѣлится взглядами онъ не любитъ. Вотъ въ винтъ играть любить и за Диной, кажется, приударяетъ, — часто верхомъ вмѣстѣ ѣздятъ.

У Константина Ивановича вдругъ закружилась голова. Стало легче послѣ того, какъ онъ умылся. Разспрашивать еще о Брусенцовѣ казалось страшно. „Кальнишевскій любить дразниться, — думалъ онъ укутываясь одѣяломъ: — и навѣрное вретъ. Такіе типы, какъ Брусенцовъ, врядъ ли способны на долгое и серьезное чувство, и Динѣ онъ навѣрное не по душѣ“...

— Тебѣ не холодно? — спросилъ Кальнишевскій.

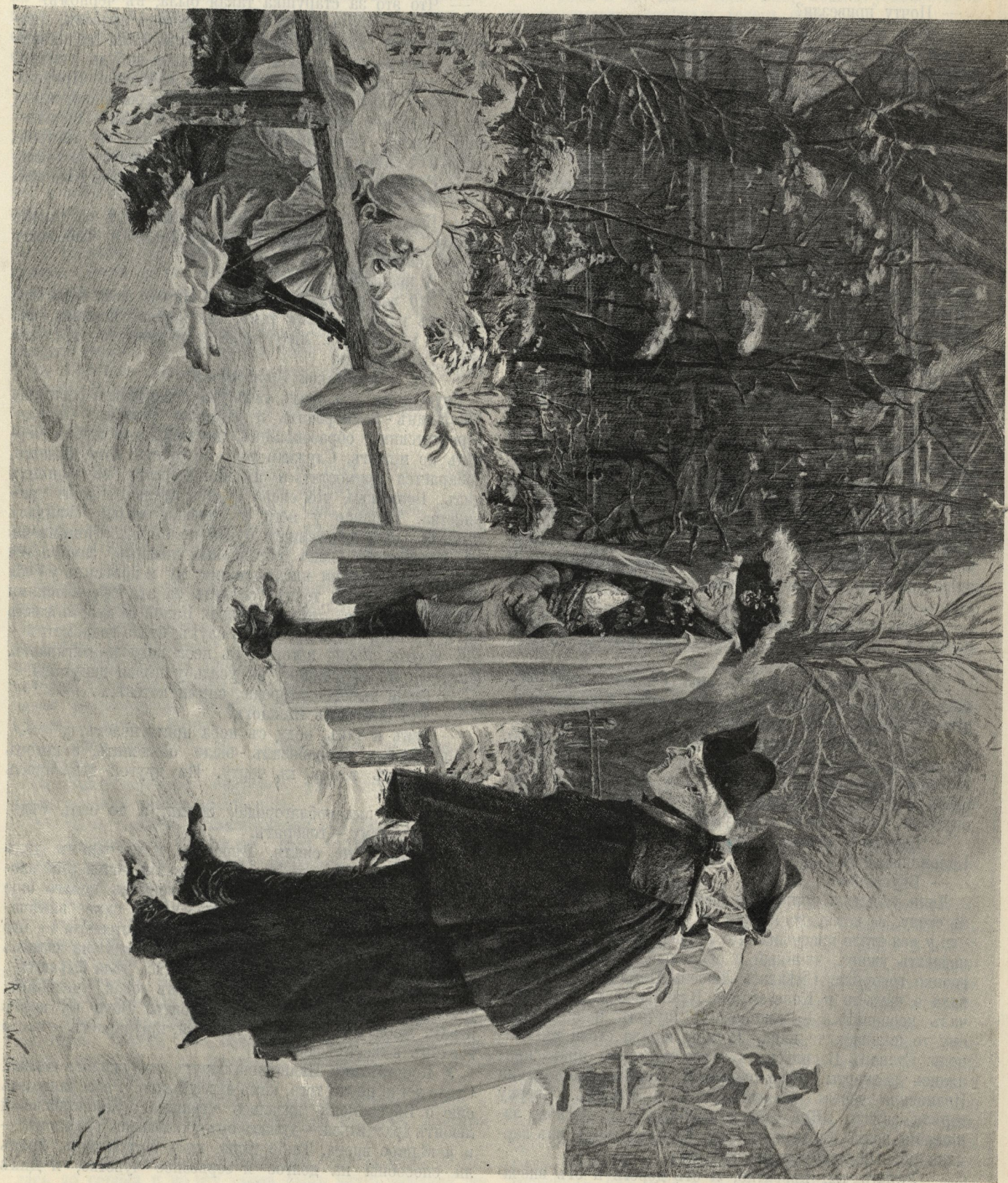
— Нѣтъ.

— А то возьми еще мой пледъ и укройся.

— Нѣтъ, не нужно.

— Ну, я тушу свѣчку.

— Туши.

Загуляль. Картина Роберта Воржниковата, ант. «Нива».

— А какъ вообще здѣсь живетъ?—спросилъ, уже въ темнотѣ, Константинъ Ивановичъ.

— Въ общемъ скучно. Когда погода хорошая, еще ничего себѣ, а когда холодно и дождь, такъ просто не знаешь, куда себя дѣвать. Я же говорилъ, что одно время здѣсь цѣлый потопъ былъ. Впрочемъ, потопъ продолжался только сорокъ дней, а тутъ какъ зарядилъ дождь съ конца апрѣля, такъ и до начала іюня, цѣлыхъ сорокъ три дня. Всего недѣлю назадъ, какъ стало сухо.

— Да, я и отъ Кузьмы объ этомъ слышалъ.

— Ну, будемъ спать,—сказала Кальнишевскій, помолчалъ пять минутъ и опять заговорилъ.

— Я забылъ тебѣ сказать самое главное: Степанъ

Васильевичъ взялъ съ меня слово, что я буду заниматься съ барышнями до конца лѣта, хотя бы ты и пріѣхалъ. Я, по правдѣ сказать, не вѣрилъ въ твой пріѣздъ и согласился. Ты не подумай однако, что онъ видитъ во мнѣ гениальнаго педагога; здѣсь совсѣмъ другое обстоятельство, хотя и очень простое,—я хороший партнеръ въ винтъ, вотъ и все. По совѣсти скажу, если бы не долги, да не темное будущее, плюнулъ бы и уѣхалъ. Ты ничего противъ этого не имѣешь?

— Ничего,—отвѣтилъ Константинъ Ивановичъ и подумалъ о Кальнишевскомъ: „онъ пристрастенъ и до сихъ поръ не понялъ семьи Орѣховыхъ“.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Маски долой! Картина Гельца, авт. «Нивы».

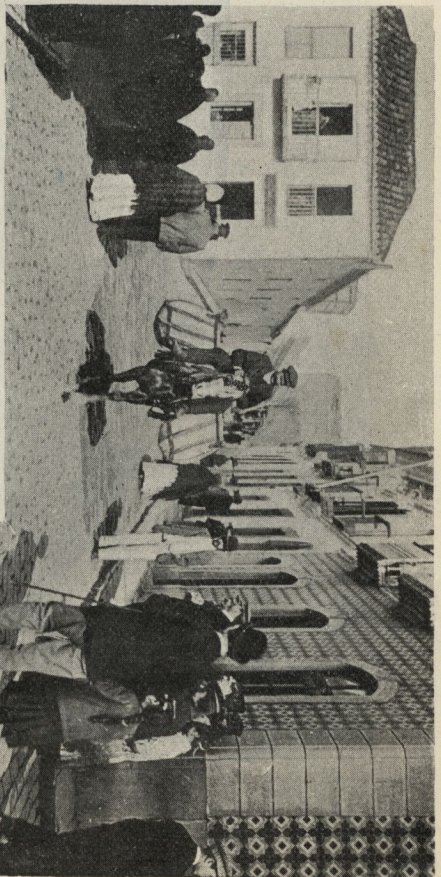
Къ международ-
ной конферен-
ции въ Алже-
иру (Марок-
ко). Ощій видъ
города и глав-
ные участники
конференции.

Первый представитель Марокко Маго-
медъ аль-Торець.

Второй представитель Марокко Магомедъ
аль-Мокри.

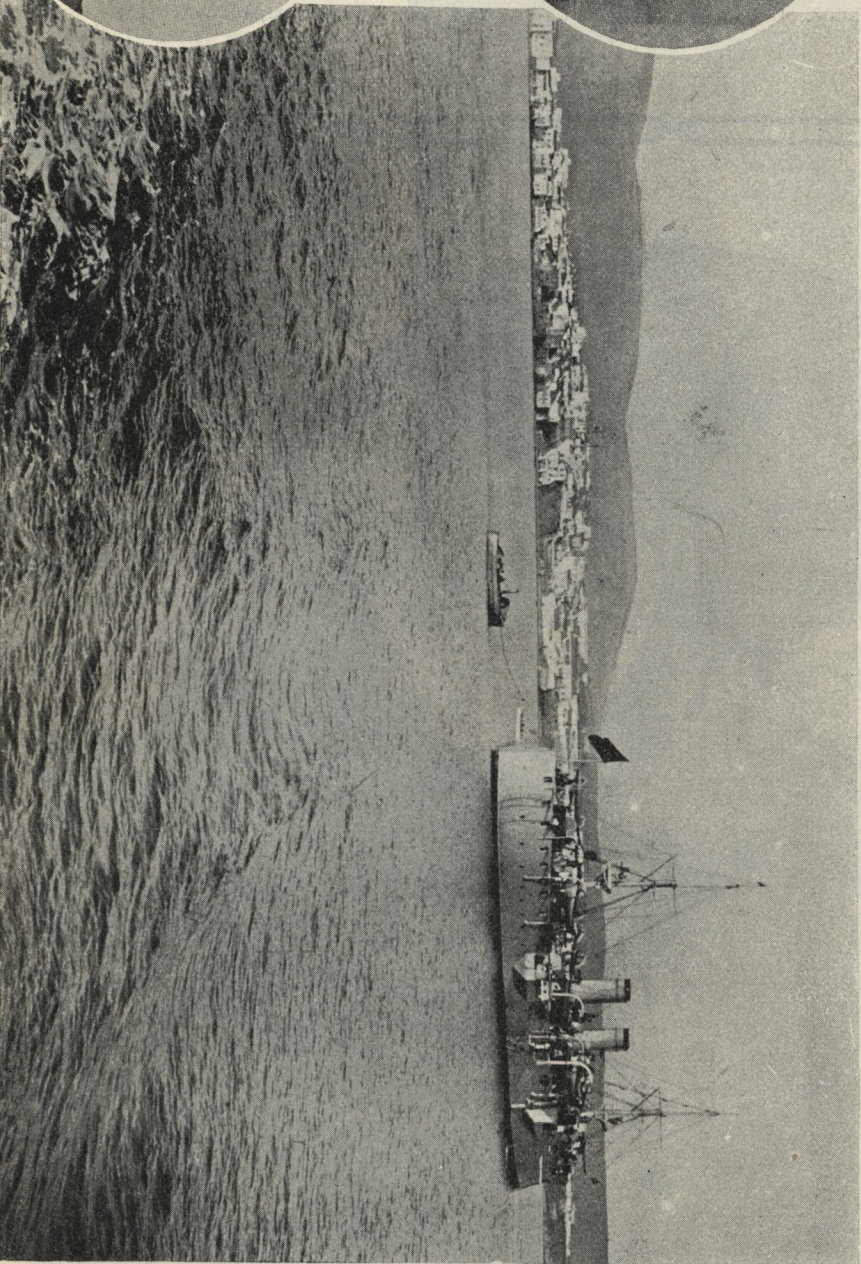
Улица въ Алжирѣ.

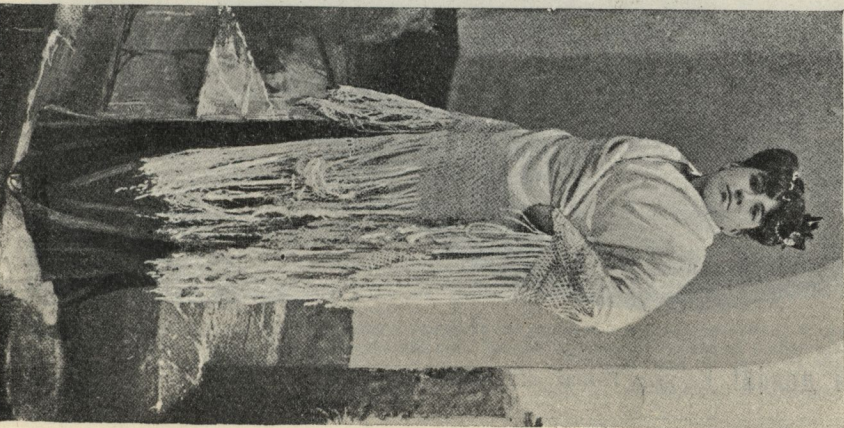
Уполномоченный Германіи
Радовицъ.

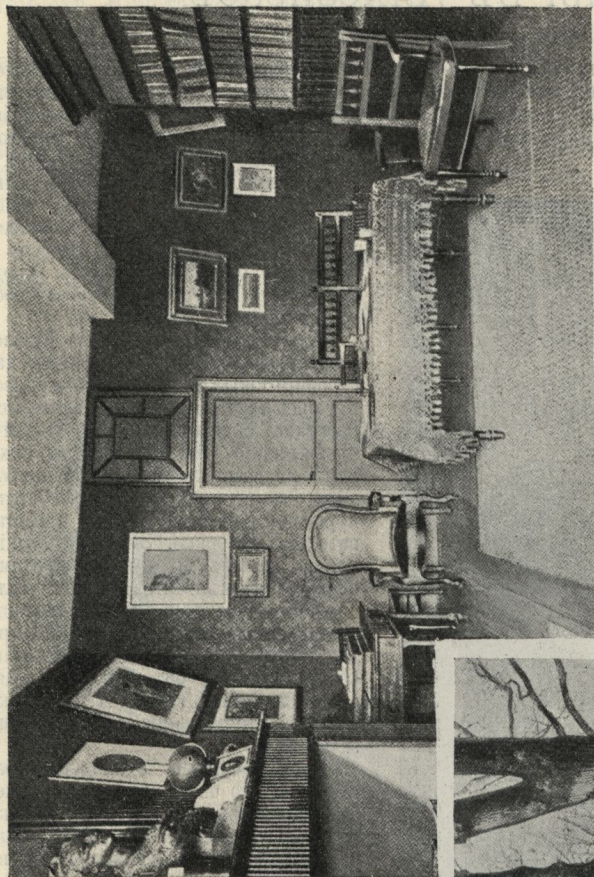
Уполномоченный Франціи
П. Ревуаль.

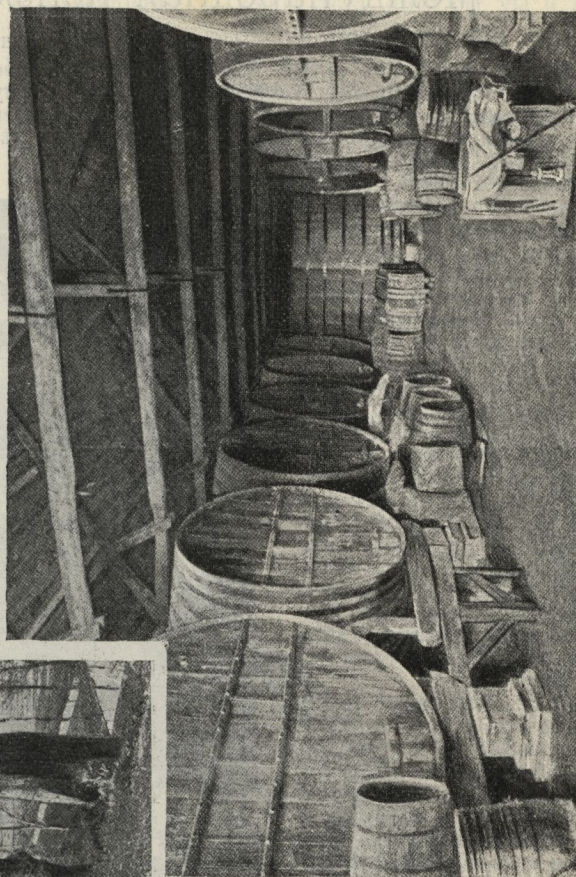
Общій видъ Алхезира съ моря.

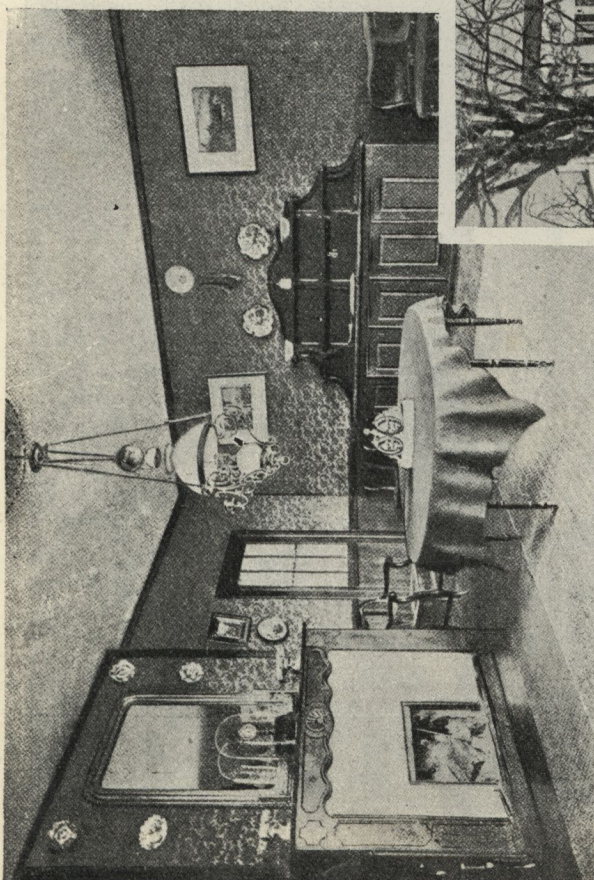
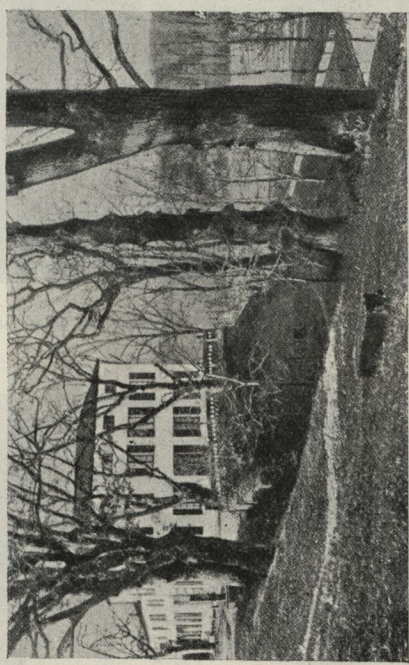
Алхезира.

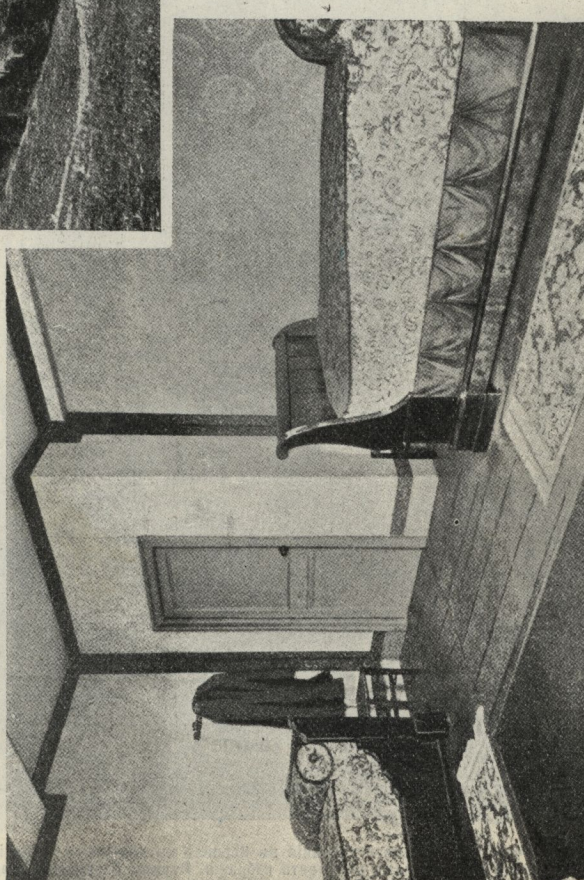
Рабочий кабинет.

Бочки с виномъ изъ собственныхъ виноградниковъ президента. Наружный видъ дома и внутреннее его убранство.

Столовая.

Спальня.

Новый французскій президентъ у себя дома, въ Лупильонъ.

Международная конференція въ Алхезирасѣ.

(Съ 3 рис. и 4 портретами на стр. 74).

Въ небольшомъ испанскомъ городѣ Алхезирасѣ въ настоящее время заѣзжаетъ международная конференція по мароккскому вопросу. Представители девяти европейскихъ державъ собрались въ этомъ красивомъ приморскомъ городѣ на консилиумъ и рѣшаютъ «большой» вопросъ: — быть франко-германской войнѣ, или не быть? Подробности возникновенія и развитія мароккского конфликта читатели узнаютъ ниже изъ нашего политическаго обозрѣнія.

Здѣсь же мы скажемъ нѣсколько словъ о самой конференціи. Султанъ назначилъ днемъ ея открытія — 3-е января сего года; Испанія — одна изъ вошедшихъ въ конференцію державъ — предложила свое гостепріимство для конференентовъ и пригласила ихъ въ Алхезирасѣ.

Уполномоченными отъ державъ явились слѣдующія лица: гг. Ревуаль (Франція), Радовицъ (Германія), Висконти-Веноста (Италія). Марокко прислало Магомеда-эль-Торесъ, Испанія — герцога Альмодовара, Англія — сэра Никольсона, Россія — графа Касини, Соединенные Штаты — Уайта; представителемъ Бельгіи явился Joosteus.

Конференція была торжественно открыта 3-го января подъ предѣтельствомъ герцога Альмодовара, который произнесъ блестящую привѣтственную рѣчь и предложилъ державамъ присоединиться къ тремъ наиболѣе желательнымъ основнымъ положеніямъ: къ признанію территориальной недѣлимости Марокко, независимости султана и къ установленію принципа «открытыхъ дверей». Въ отвѣтъ на эту рѣчь говорили гг. Ревуаль и Радовицъ, причемъ Ревуаль

заявилъ, что присоединяется къ предложеннымъ герцогомъ положеніямъ и принимаетъ принципъ «открытыхъ дверей» въ полномъ его объемѣ. Эта рѣчь произвела на конференцію отличное впечатлѣніе.

Въ слѣдующіе дни конференція занялась вопросами о военной контрабандѣ въ Марокко, о налогахъ, о введеніи полиціи подъ итальянскимъ руководствомъ и проч.

Заѣзданія конференціи происходятъ въ великолѣпномъ, стильно и роскошно отдѣланномъ залѣ городской думы. Делегаты сидятъ въ строго-алфавитномъ порядкѣ.

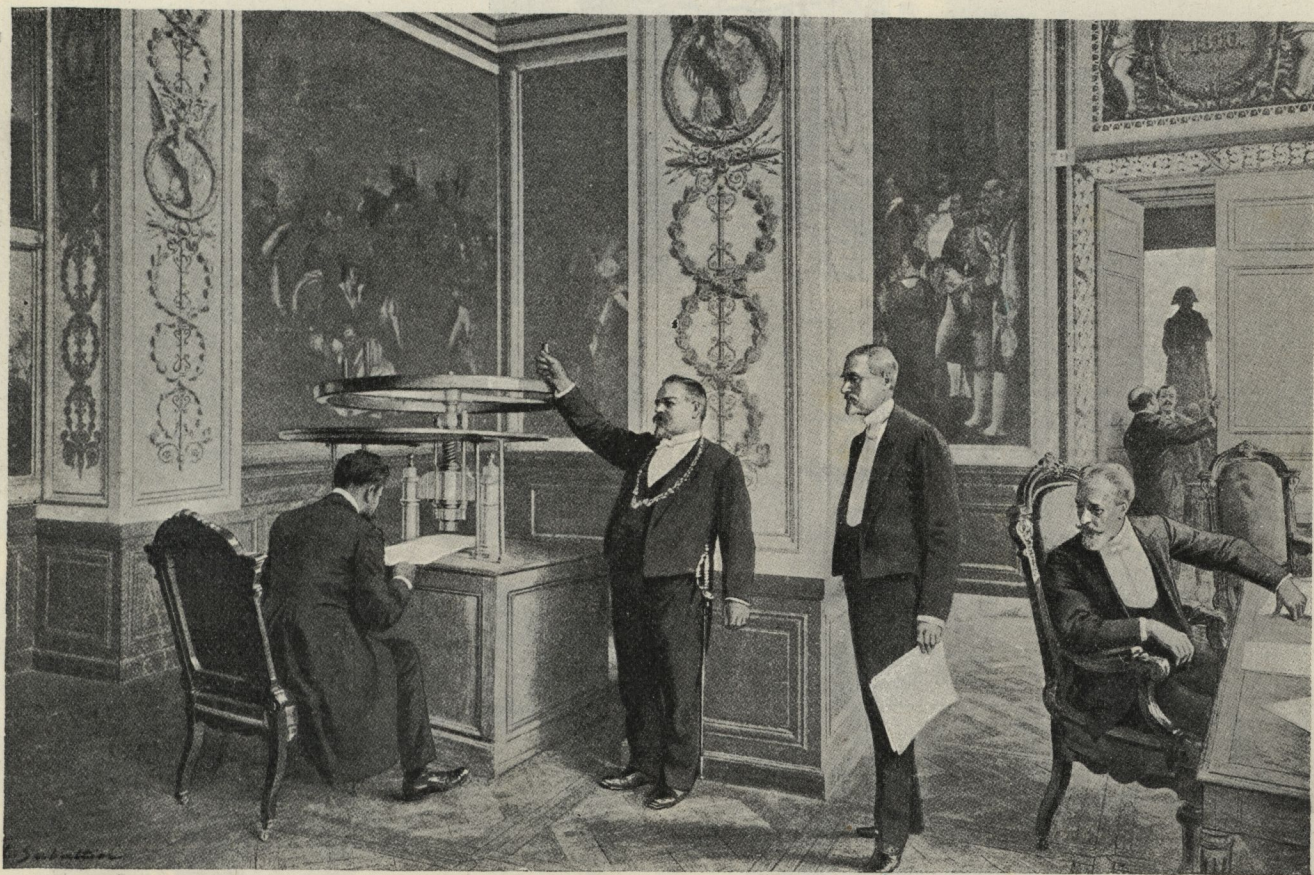
Работа, въ общемъ, идетъ удовлетворительно, и никакого нервнаго настроенія среди уполномоченныхъ, вопреки ожиданіямъ, не замѣчается. Всѣ работаютъ съ величайшимъ усердіемъ, чрезвычайно корректно, и до сихъ поръ не возникло ни одного щекотливаго инцидента, если не считать курьезнаго происшествія съ представителемъ Марокко. Этотъ послѣдній вдругъ исчезъ и вызвалъ своимъ исчезновеніемъ смутеніе. Готовъ былъ возникнуть дипломатическій кризисъ, но почтенный марокканецъ чрезъ три дня снова появился на конференціи. Оказалось, что онъ тѣдилъ въ Марокко за своимъ гаремомъ, такъ какъ рѣшилъ, что конференція слишкомъ затянется.

Уполномоченные единодушно заявляютъ, что они прибыли въ Алхезирасѣ съ тѣмъ, чтобы привести къ полному успокоенію тѣ державы, интересы которыхъ сталкиваются въ Марокко, и чтобы рѣшить вопросъ о реформахъ въ этой странѣ.

Но существуетъ убѣжденіе, что реформы, на которыхъ настаивала Франція, все-таки проведены не будутъ.

Супруга новаго французскаго президента Фальера.

Приложеніе печати національнаго собранія въ Версалѣ къ документу избранія президента. Секретари Эженъ Пьерръ и Эдуардъ Дюпре прикладываютъ печати къ четыремъ экземплярамъ документа избранія. Первый экземпляръ подносится новому президенту, второй хранится въ національномъ архивѣ, третій — въ архивѣ сената, четвертый — въ архивѣ палаты депутатовъ. Въ глубинѣ — залъ, въ которомъ подсчитываются голоса. Среди зала виситъ статуя Наполеона.

Выборы президента во Франціи.

а вся работа конференции сведется исключительно къ улаженію инцидента между Германіей и Франціей. И, конечно, дай Бог, чтобы удалось достигнуть прежде всего именно этого.

Алхезирасъ (или, правильнѣе, «Алхедсирасъ») — главный городъ провинціи Кадиксъ. Онъ расположенъ на самомъ берегу Средиземнаго моря, въ излучинѣ Гибралтарскаго залива, какъ разъ напротивъ знаменитой Гибралтарской скалы.

Это — красивый, чистенькій и культурный городъ, ярко сіяющій на солнцѣ бѣлизною своихъ строеній и зеленою многочисленныхъ пышныхъ садовъ. Какъ всѣ старинные города, онъ дѣлился на двѣ части — старый городъ съ маленькими бѣлыми домиками, окруженными растительностью, и на новый городъ, гдѣ высятся великолѣпныя виллы посланниковъ, богатые дома мѣстныхъ коммерсантовъ, и гдѣ находится пристань и вокзалъ желѣзной дороги. Обѣ части соединяются стариннымъ, построеннымъ сотни лѣтъ

политическаго статиста. По традиціямъ республиканской страны, президентъ тѣмъ лучше, чѣмъ онъ безличнѣе. Въ этомъ отношеніи Франція рѣзко отличается отъ Америки: во Франціи управляетъ государствомъ палата депутатовъ черезъ свои чуть не ежегодно смѣняемыя министерства, а показной глава государства обязанъ только періодически принимать портфели отъ низвергнутыхъ ею министровъ и передавать другимъ, которые выбираютъ на смѣну ушедшимъ; въ Америкѣ же, напротивъ, президентъ республики является какъ бы избраннымъ на срокъ полномочнымъ, фактическимъ главою всѣхъ исполнительныхъ органовъ государственной власти, распоряжающимся черезъ своихъ министровъ вполне независимо отъ конгресса, передъ которымъ они не отвѣтственны. Насколько для поста американскаго президента нужна личная энергія, инициатива, смѣлость и рѣшительность, настолько же для французскаго президента всѣ эти качества совершенно бесполезны, даже

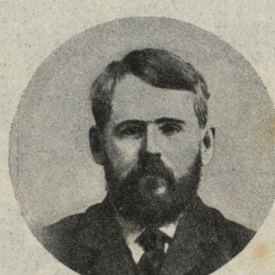
С. В. Бѣлевскій, членъ бюро крестьянскаго сѣзда.

Профессоръ московскаго университета В. И. Бернадскій.

Ф. З. Вроблевскій, участникъ сѣзда городскихъ и земскихъ дѣателей въ Москвѣ.

С. В. Куринъ, предсѣдатель крестьянскаго сѣзда.

Присяжный повѣрен. А. Р. Ледниковъ, участникъ сѣзда городскихъ и земск. дѣят. въ Москвѣ.

Современные общественные дѣатели.

тому назадъ, горбатымъ каменнымъ мостомъ. Алхезирасъ — торговый городъ. Онъ ведетъ оживленный торгъ каменнымъ углемъ, кожами и хлѣбомъ, и это сказывается на его судьбѣ замѣтнымъ благосостояніемъ.

Въ исторіи онъ извѣстенъ чрезвычайно давно. Мавры при своемъ вторженіи въ Испанію сдѣлали его въ 711 году своей базой и владѣли имъ въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, пока, наконецъ, въ 1344 году король Альфонсъ IX Кастильскій не завоевалъ у нихъ Алхезирасъ въ свою собственность. Съ той поры Алхезирасъ сдѣлался испанскимъ городомъ. Однако, онъ и до сихъ поръ сохраняетъ многое изъ мавританской эпохи: свое имя, свои постройки и типъ своихъ жителей, въ жилищахъ которыхъ до сихъ поръ течетъ нѣкоторая доля мавританской крови. Это замѣтно сказывается на внѣшности алхезирасцевъ и алхезирасокъ.

Въ новѣйшей исторіи Алхезирасъ игралъ нѣкоторую роль въ началѣ XIX столѣтія: въ 1801 году у его береговъ произошло два морскихъ сраженія — 6-го и 12-го іюля. Въ первомъ изъ этихъ сраженій французы, столкнувшись съ англичанами, нанесли послѣднимъ крупное пораженіе, во второмъ же сраженіи франко-испанскій соединенный флотъ былъ, наоборотъ, разбитъ англійскимъ флотомъ. Въ настоящее время судьбѣ было благоудно опять выдвинуть этотъ городъ на арену европейской исторіи. На этотъ разъ Алхезирасъ, однако, служить мѣстомъ уже не крова-

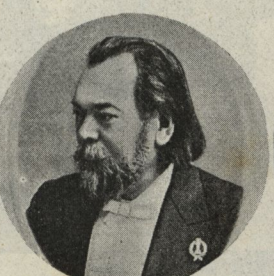
можно сказать — вредны, потому что они помѣшали бы ему исполнять его пассивную роль. Французы отъ своего главы требуютъ только нѣкоторой представительности, заслуженности въ глазахъ общественнаго мнѣнія, внушительности во время всяческихъ церемоній приѣмовъ иностранныхъ пословъ и высочайшихъ особъ, а главное — безусловной покорности парламентскому большинству. Именно всѣми этими добродѣтелями въ высшей степени обладалъ бывшій президентъ Луба, уступившій отъ почета, и въ такой же степени обладалъ избранный ему на смѣну Фальеръ. Другой кандидатъ — Думеръ, видный государственный дѣатель и парламентскій боецъ, бывшій повелитель Аннамской колоніи, слишкомъ энергиченъ для показнаго поста.

Забаллотировавъ его кандидатуру, Франція высказала увѣренность, что онъ еще пригодится ей въ какой-нибудь иной, менѣе почетной, но болѣе дѣятельной роли. Ей такъ необходимы талантливые дѣатели на всѣхъ поприщахъ политики и, кажется, больше всего для умлаго руководства международными отношеніями республики.

Прежній министръ иностранныхъ дѣлъ, г. Делькассе, оставилъ послѣ себя довольно тяжелое и запутанное наслѣдство. Кажется, больше всего онъ прославился заключеніемъ злополучнаго англо-французскаго соглашенія. Онъ великодушно уступилъ Англіи несомнѣнные права Франціи въ Египтѣ, Ньюфаундлендѣ и проч.,

М. Д. Орѣховъ, книгоиздатель.

Присяжный повѣрен. Ф. Н. Плехановъ, членъ Союза 17 октября.

Присяжный повѣренный А. Ф. Стааль, членъ бюро крестьянскаго сѣзда.

Писатель В. Г. Тань (Богоразъ), членъ крестьянскаго сѣзда.

Присяжный повѣренный А. В. Тесленко, членъ бюро крестьянскаго сѣзда.

Современные общественные дѣатели.

ваго, но совершенно мирнаго столкновенія. По крайней мѣрѣ въ немъ рѣшается задача о томъ, какъ бы избѣжать кровавыхъ столкновеній въ будущемъ.

Мароккскій вопросъ.

(Политическое обозрѣніе).

У Франціи при всѣхъ ея недочетахъ, иззянахъ и неудачахъ есть одно утѣшеніе: необыкновенно быстрая смѣняемость руководителей ея политики, которые, уходя со сцены, уносятъ на своемъ имени всѣ свои грѣхи и, по крайней мѣрѣ, не мозолятъ своими опостылѣвшими фигурами глаза возмущенной и негодующей націи. Мирно, безъ ссоры и неудовольствія, сошелъ со сцены президентъ республики Луба, первый человѣкъ Франціи, или, вѣрнѣе, самый видный ея человѣкъ, осужденный играть глубоко пассивную роль

а взамѣнъ получилъ за то согласіе Англіи на установленіе французскаго протектората надъ Марокко. И друзьямъ г. Делькассе, и самому г. Делькассе эта сдѣлка казалась необыкновенно выгодной, обещающей въ перспективѣ расширеніе алжирскихъ владѣній Франціи, широкій сбытъ издѣліямъ французской промышленности и колоссальные барыши французскому капиталу. Однако, дѣйствительность не оправдала этихъ радужныхъ надеждъ. Почему-то вышло такъ, что на долю, выговоренную по соглашенію въ пользу Англіи, никто изъ остальныхъ державъ не предъявилъ никакихъ требованій, а къ мароккскому кусочку, доставшемуся Франціи, тотчасъ же протянулось множество жадныхъ рукъ. Испанія, Италия, Германія и пр. захотѣли имѣть свою долю участія въ барышахъ счастливицы-Франціи. Сначала она не особенно-то хотѣла дѣлиться съ ними, но страхъ военнаго столкновенія съ Германіей заставилъ ее пойти на уступки, разстаться съ несговорчивымъ и недально-

Революція въ Прибалтійскомъ краѣ.

По фотогр. спеціального корреспондента К. Булла, авт. «Нивы».

Рига 9 января.
Охрана улицъ.

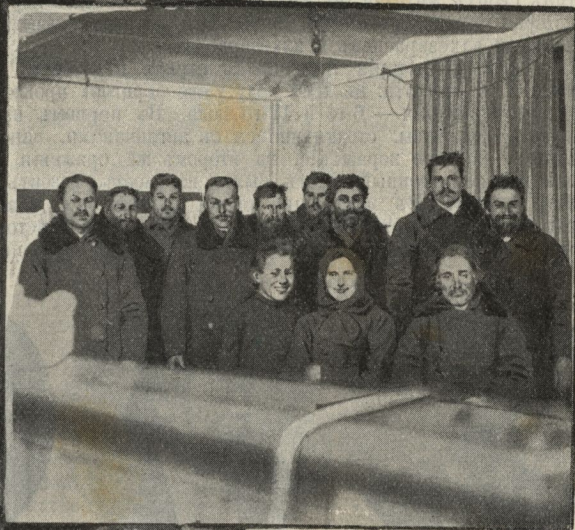
Арестованный
революціонеръ.

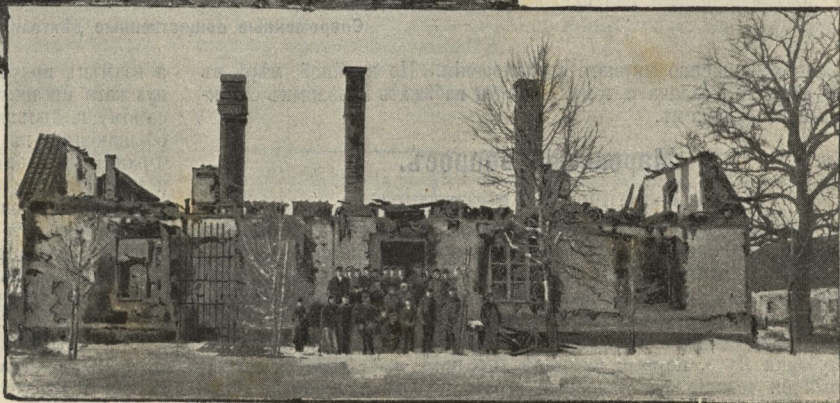
Рига 9 января.
Прибытіе войскъ.

Ремерсгофъ. Замокъ барона фонъ - Сиверса —
разрушенія внутри замка.

Крестьяне-латыши Венденскаго уѣзда.
Добровольная сдача оружія властямъ.

Ремерсгофъ. Разрушенный замокъ барона
ф.-Сиверса.

Замок Кокенгузенъ. Охрана войскъ. Прибывшіе два революціонера съ повинной у адъютанта драгунскаго полка.

Лесманскъ, въ 14 верстахъ отъ ст. Крейцбургъ. Пожарище.

Лесманскъ, въ 14 верст. отъ ст. Крейцбургъ. Пожарище.

Лесманскъ, въ 14 верстахъ отъ станціи Крейцбургъ. Пожарище.

Лесманскъ, въ 14 верстахъ отъ ст. Крейцбургъ. Похороны революціонера.

Лесманскъ, въ 14 верстахъ отъ ст. Крейцбургъ. Пожарище.

Революція въ Прибалтійскомъ краѣ.

По фотогр. спеціального корреспондента К. Булла, авт. «Нивы».

видным Делькассе и передать бразды правления в руки мягкого, осторожного и до крайности уступчивого Рувье. Он безпрекословно согласился на пересмотр англо-французского дѣла въ той его части, которая касается французской доли, съ участіемъ всѣхъ претендентовъ, желающихъ урвать кусочекъ въ свою пользу. Чтобы избѣгнуть Божьего суда и рѣшенія распри оружіемъ, споръ былъ перенесенъ на третейскій судъ всѣхъ европейскихъ державъ. Такимъ образомъ, родилась на свѣтъ международная конференція въ Алхезирахъ.

Французскія дѣла сразу пошли на ней очень неважно. Хотя Англія и Россія оказываютъ Франціи всяческую поддержку, но тѣмъ не менѣе увѣренности въ рѣшительной военной поддержкѣ со стороны коварнаго союзника, въ случаѣ обостренія разногласій, у французскихъ представителей нѣтъ. Имъ поневолѣ приходится и на конгрессѣ такъ же «сбавить тону» въ своихъ требованіяхъ, какъ они сбавили его и до конгресса. Съ первыхъ же шаговъ пришлось признать притязаніе Испаніи на ея преимущественное вліяніе въ смежной части Марокко, въ той же мѣрѣ, какъ признается вліяніе самой Франціи въ областяхъ, примыкающихъ къ Алжиру. Цѣною такой уступки французская дипломатія добилась признанія *мистическаго* вліянія Франціи, которое едва ли кто оспаривалъ, но, въ то же время, она какъ бы формально и окончательно отказалась уже отъ мечты быть единовластной верховной судьей Марокко и владѣтельницей его богатствъ. Въ то же время почти достигнуто соглашеніе относительно введенія реформъ и полиціи подъ руководствомъ итальянскихъ офицеровъ, гарантирующихъ отчасти интересы и другого ближайшаго сосѣда—Италіи. Германия горячо стоитъ за реформы, но въ то же время энергично отстаиваетъ полную самостоятельность марокканскаго султана, сводящую все выгоды и преимущества Франціи къ круглому нулю. Французы заднимъ числомъ убѣждаются теперь, что въ обмѣнъ на свои уступки Англіи въ Египтѣ они получили только миллионъ затрудненій, неурядицъ и перспективу войны съ нѣмцами.

Великодушно уступая г-ну Делькассе не принадлежащія ей права въ Марокко, Англія, быть-можетъ даже умышленно, толкала Францію на новую войну съ Германіею, въ надеждѣ ослабить своего грознаго промышленнаго конкурента и при случаѣ уничтожить его флотъ. Несмотря на удивительно мирный и корректный ходъ переговоровъ въ Алхезирахъ, Европа все-таки продолжаетъ почему-то волноваться темными страхами близкой обще-европейской войны. Съ каждымъ днемъ все больше выясняется что источникъ и центръ тяжести этой тревоги находится, не въ Марокко, а гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ, и что очагъ великихъ грядущихъ опасностей для европейской цивилизаціи таится, главнымъ образомъ, въ ожесточенной торгово-промышленной конкуренціи и нѣмцевъ съ англичанами и въ возрастающей натянутости англо-германскихъ дипломатическихъ отношеній.

Новый президентъ Французской республики.

(Съ 6 рис. и 1 портрет. на стр. 75 и 76).

4-го января въ засѣданіи конгресса въ Версалѣ избранъ преемникъ Э. Дубэ—новый президентъ Французской республики, Арманъ Фальеръ, портретъ котораго помѣщенъ нами въ предыдущемъ номерѣ.

А. Фальеръ родился въ 1841 году и въ настоящее время имѣетъ 64 года. Свою общественную дѣятельность онъ началъ на адвокатскомъ поприщѣ, а въ 1876 году, во времена Гамбетты, былъ избранъ въ палату депутатовъ. Затѣмъ онъ занималъ въ разное время должности: министра-президента совѣта, министра внутреннихъ дѣлъ, сенатора и наконецъ (съ 1899 года)—президента сената. Таковъ его политическій и общественный формуляръ.

Новый президентъ республики, во всякомъ случаѣ, представляетъ собою виднаго и недоужинаго во всѣхъ отношеніяхъ человѣка. Начиная съ солидной, представительной внѣшности и полного достоинства обращенія и кончая болѣе глубокими, духовными качествами—талантомъ, энергіей, обаятельною сердечностью и доброю тою характера, Фальеръ является какъ разъ такимъ человѣкомъ, къ которому, какъ нельзя болѣе, подходитъ почетная и отвѣтственная роль высокопоставленнаго представителя французскаго народа.

Подобно своему предшественнику, Эмилю Дубэ, Фальеръ также вышелъ изъ народа и рѣшительно всѣмъ обязанъ только самому себѣ. Талантъ, энергія, колоссальная работоспособность—только

эти личные качества выдвинули его на широкую дорогу и превратили изъ скромнаго адвоката въ представителя могущественнаго и культурнаго государства. Фальеръ являетъ собою типъ истиннаго республиканца-демократа—строгаго, честнаго, всѣми уважаемаго и спокойно работающаго во имя мирнаго прогресса, безъ рѣзкихъ увлеченій и отклоненій въ сторону.

Въ частной жизни это типъ добраго, почтеннаго буржуа. Фальеръ очень скромнень въ своей домашней жизни, очень доступенъ и гостепріименъ. Онъ—прекрасный семьянинъ, и его семья, состоящая изъ его супруги, сына и дочери, живетъ тѣснымъ кружкомъ. Какъ и подобаетъ женѣ буржуа и состоятельнаго помѣщика (Фальеръ обладаетъ имѣніемъ въ Лупильонѣ близъ Мезина), м-ше Фальеръ—отличная хозяйка и любитъ заниматься помѣщичьими дѣлами. Самъ президентъ страстно увлеченъ охотой и виноградарствомъ. Въ Лупильонѣ у него имѣются великолѣпные виноградники и превосходный, знаменитый въ своемъ родѣ винный погребъ.

Фальеръ ведетъ очень регулярную жизнь. Онъ встаетъ въ 7 часовъ утра и съ 8 и до 10 непременно гуляетъ, не смотря ни на какую погоду. Съ 10 часовъ начинается трудовой день—и въ 10 часовъ вечера президентъ уже снова въ постели. Онъ любитъ изящныя искусства, музыку—особенно классическую—и охотно посѣщаетъ картинныя выставки, слѣдитъ за изящною литературой.

Таковъ въ своей частной жизни этотъ восьмой президентъ Французской республики. Что касается его общественной жизни и его государственной дѣятельности, то она слишкомъ на виду у всѣхъ, чтобы о ней распространяться.

Н. И. Стороженко. (Портр. на этой стр.).

12-го января въ Москвѣ въ день университетскаго праздника (Татьянинъ день) скончался одинъ изъ популярнѣйшихъ и извѣстнѣйшихъ профессоровъ московскаго университета, Николай Ильичъ Стороженко.

Въ его лицѣ русская наука потеряла замѣчательнаго знатока европейской литературы и въ особенности литературы шекспировской. Н. И. Стороженко былъ единственнымъ въ Россіи специалистомъ по изученію произведеній великаго англійскаго драматурга, критики на его произведенія, его эпохи и его предшественниковъ.

Н. И. Стороженко родился въ 1836 году. По окончаніи курса въ кievской гимназіи и въ московскомъ университетѣ (по филологическому факультету), онъ занялъ мѣсто учителя въ московской 1-й гимназіи. Но скромная дѣятельность гимназическаго преподавателя не могла удовлетворить молодого ученаго. Избравъ своей спеціальностью изученіе Шекспира, Н. И. Стороженко отпра-

вился въ 1867 году въ Англію, гдѣ и пробылъ два года, изучая все то, что такъ или иначе имѣло отношеніе къ эпохѣ и личности излюбленнаго имъ англійскаго писателя.

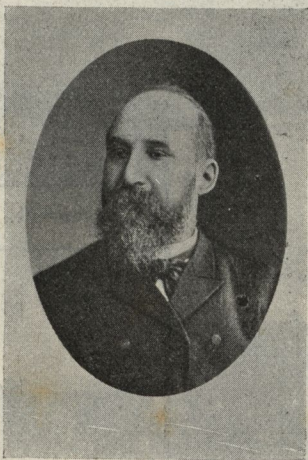
Результатомъ этого изученія была интересная статья: «Шекспировская критика въ Германіи» и диссертация: «Предшественники Шекспира». По защитѣ этой диссертации Н. И. Стороженко получилъ каедрѣ исторіи всеобщей литературы, которую и занималъ съ тѣхъ поръ до послѣдняго времени.

Въ 1878 году покойный получилъ степень доктора по защитѣ блестящей диссертации «Робертъ Гринъ. Его жизнь и произведенія». Этотъ трудъ былъ переведенъ на англійскій языкъ, и Н. И. Стороженко былъ избранъ однимъ изъ вице-президентовъ «новаго шекспировскаго общества».

Кромѣ университета Н. И. читалъ лекціи въ театральномъ училищѣ и на высшихъ женскихъ курсахъ и состоялъ председателемъ общества любителей русской словесности. Н. И. Стороженко оставилъ послѣ себя богатое литературное наслѣдство. Изъ его трудовъ наиболее извѣстны слѣдующіе: «Философія Донъ-Кихота», «Вольнодумецъ эпохи Возрожденія», «Поэзія міровой скорби», «Шекспиръ и Бѣлинскій», «Юношеская любовь Гёте» и пр.

Покойный былъ очень популяренъ въ Москвѣ. Популярности Н. И. Стороженко много содѣйствовали его личные качества. Это былъ типичный москвичъ,—гостепріимный, радушный, въ высшей степени отзывчивый человѣкъ.

Его кончина, несомнѣнно, долго еще будетъ чувствоваться въ обществѣ и въ ученомъ мірѣ, какъ тяжелая, незамѣнимая утрата.

Профессоръ Н. И. Стороженко
(† 12 января с. г.).

Содержаніе.

ТЕКСТЪ: Урокъ. Повѣсть Бор. Лазаревского. (Продолженіе).—Международная конференція въ Алхезирахъ.—Марокканскій вопросъ. (Полятическое обозрѣніе).—Новый президентъ Французской республики.—Н. И. Стороженко.—Объявленіе.
РИСУНКИ: Масляничное катанье.—Испанская танцовщица.—Гадальщица.—Загуляль.—Маски долой!—Къ международной конференціи въ Алхезирахъ (Марокко). Общій видъ города и главные участники конференціи: 1) Первый представитель Марокко Магомедъ эль-Торесъ. 2) Второй представитель Марокко Магомедъ эль-Мокри. 3) Улица въ Алхезирахъ. 4) Уполномоченный Германіи Радовицъ. 5) Уполномоченный Франціи П. Ревуаль. —6) общій видъ Алхезираса съ моря. 7) Алхезираска.—Новый французскій президентъ у себя дома, въ Лупильонѣ. Наружный видъ дома и внутреннее его убранство. 1) Столовая. 2) Рабочій кабинетъ. 3) Спальня. 4) Бочки съ виномъ изъ собственныхъ виноградниковъ президента.—Супруга новаго французскаго президента Фальера.—Выборы президента во Франціи.—Современныя общественныя дѣтели: 1) С. В. Бѣлевскій. 2) Проф. В. И. Вернадскій. 3) Ф. З. Врублевскій. 4) С. В. Курнинъ. 5) А. Р. Ледницкій. 6) М. Д. Орфховъ. 7) Присяжный повѣренный Ф. Н. Плевако. 8) А. Ф. Стааль. 9) В. Г. Танъ. 10) А. В. Тесленко.—Революція въ Прибалтійскомъ краѣ. (2 рис.).—Н. И. Стороженко.
Къ этому № прилагаются: 1) «Ежемѣс. литерат. и популярно-научныя приложенія» за февраль 1906 г., 2) «ПАРИЖОНЫЯ МОДЫ» за ФЕВРАЛЬ 1906 г. съ 31 рис. и отдѣльн. листъ съ 33 черт. выкр. въ натур. велич. и 11 рис. для вышиванія.

Редакторъ-издат. Л. Ф. Марксъ.

Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.

